

Читайте детективы НАТАЛИИ АНТОНОВОЙ в серии «Уютный детектив»:

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВЫ-ПРОФЕССИОНАЛЫ МИРОСЛАВА И МОРИС»

ПРИУСАДЕБНОЕ УБИЙСТВО	УБИЙСТВО ПО ЛЮБВИ
•	•
СРЕЗАННЫЕ ЦВЕТЫ	МЕЛОДИЯ ДЛЯ САКСОФОНА
•	•
ВЛЮБЛЕННЫЙ УБИЙЦА	ФУРИЯ ХХІ ВЕКА
•	•
ЗОЛОТАЯ УДАВКА	ЗИМНЯЯ МЕСТЬ
•	•
НЕ ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ	ТЕНЬ ДРУГОЙ ЖЕНЩИНЫ
•	•
СЛИШКОМ ВЕРНАЯ ЖЕНА	ЛЮБОВЬ КАК УЛИКА
•	•
ТУФЕЛЬКА ДЛЯ ПРИЗРАКА	МИНДАЛЬНЫЙ ВКУС ЗЛА
•	•
ПРОЩАНИЕ С ПЛЕЙБОЕМ	ОДНАЖДЫ ЛЕТНИМ ДНЕМ
•	•
РАСПЛАТА ПО ЧУЖИМ СЧЕТАМ	ОРХИДЕЯ С КАПЛЕЙ КРОВИ
•	•
СМЕРТЬ В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ	СМЕРТЬ ПОД ЗОЛОТЫМ ДОЖДЕМ

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО “ШВЕДСКОЕ ВАРЕНЬЕ”»

ВЫСТРЕЛ В НОЧИ
•
ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ТРУБОЧИСТА
•
ЧАША БЕЗ ТЕРПЕНИЯ
•
РОДНОЙ САМОЗВАНЕЦ

Наталья Антонова

Смерть под золотым

ДОЖДЕМ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *Е. Петровой*

Антонова, Наталия Николаевна.

А72 Смерть под золотым дождем : [роман] /
Наталия Антонова. — Москва : Эксмо,
2022. — 352 с. — (Уютный детектив).

ISBN 978-5-04-157672-1

Гордей Трифонов – преуспевающий бизнесмен и очень влюбчивый человек. Он много лет жил с женой, но вдруг встретил молодую красавицу Аниту и не смог устоять. Гордей женился второй раз, а потом встретил другую девушку и захотел снова поменять супругу. Да вот только не успел – труп Гордея был найден на участке у его собственного дома под цветущим бобовником. Хозяйка детективного агентства «Мирослава» расследует это убийство и постепенно узнает, какие тайны скрылись за сердечными делами ловеласа...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н.Н., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-157672-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается моим дорогим тётке и дяде —
Галине Петровне и Григорию Григорьевичу
Кардашьян с искренней любовью и уважением.*

Действующие лица и события
романа вымышлены, и сходство их
с реальными лицами и событиями
абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Гордей Тимофеевич Трифонов был мужчиной, что называется, в полном расцвете сил. Владел пусть не слишком большим, но вполне солидным и, главное, перспективным деревообрабатывающим заводом, недвижимостью в виде загородного дома и нескольких квартир в черте города, парком новеньких иномарок. Да и счёт в банке у него был кругленьким. Так что Трифонов был уверен, что, «земную жизнь пройдя до половины», он достиг всего, чего хотел. Его бизнес продолжал развиваться, принося солидный доход. Он вырастил сына и дочь. У него даже имелись два внука.

Трифонов не сомневался, что вторая часть его жизни будет не короче первой. Да, именно так. Жить Гордей Тимофеевич собирался не менее ста лет. Он верил в то, что вторая половина принесёт ему удовлетворение не только в деловой, но и в личной жизни. Пока же она складывалась не вполне удачно.

Хотя, если быть честным, ещё несколько лет назад он так не считал. Трифонов, будучи примерным семьянином, и не помышлял о разрыве со своей женой Мариной, на которой женился ещё во время

учёбы в институте. Марина безропотно разделяла с ним все трудности студенческого быта, терпела неудобства и бедность, пока Гордей искал своё место в жизни, потом работала с ним бок о бок на его поначалу небольшом предприятии, была при муже и секретарём, и бухгалтером. Плюс ко всему на Марине держался дом, и она же занималась воспитанием детей. Лишь после того, как Трифонов окончательно стал на ноги, Марина стала хозяйкой загородного дома и полностью посвятила себя семье.

Всё в их семейной жизни шло гладко и предсказуемо на несколько лет вперёд, пока на одном из фуршетов Гордей не увидел красавицу Аниту. Стройная, высокая, с копной натуральных рыжих волос, она сразу бросалась в глаза. И Трифонов влюбился в неё без памяти с первого взгляда. О том, было ли это именно любовью или чем-то другим, более приземлённым, Гордей не задумывался. Пряди рыжих волос Аниты при малейшем колебании воздуха приходили в движение, они колыхались, взлетали и отливали золотом. Гордею Тимофеевичу рыжие волосы девушки напоминали языки пламени, и он чувствовал себя фанатиком, охваченным неземной страстью и добровольно входящим на костёр. О том, что цвет волос у девушки натуральный, можно было догадаться по её тонкой розовой коже, которую она старательно защищала от солнца, и бледной россыпи веснушек, которые проступали то здесь, то там, несмотря на то что красавица отчаянно боролась с ними. Правда, Трифонов тогда этого не знал.

Окружающие, узнав об увлечении предпринимателя, отнеслись к этому по-разному. Друзья, которые жалели его, напоминали Гордею как бы в шутку пословицу: «Седина в бороде, бес в ребро». Но он от

их слов отмахивался, как от надоедливой осенней мухи, и даже смеялся: завидуйте, мол, молча. Были, конечно, и те, кто злорадствовал и с нетерпением ждал, когда же молодая возлюбленная украсит голову Гордея развесистыми рогами. А кто-то и на самом деле завидовал — какую красотку отхватил старый пень.

Анита, заметив влюблённые взгляды Трифонова, отнеслась к нему благосклонно и не стала скрывать, что и сама заинтересована им. Трифонову такое отношение девушки льстило, он буквально рос в своих собственных глазах. Осмелев, Гордей перестал скрывать свои намерения, и Анита, в свою очередь, поощряла его ухаживания. Поначалу он надеялся, что она станет его любовницей. Но Анита и слышать об этом не хотела, заявив, что она девушка из порядочной семьи, а не шалава-привокзальная.

Трифонов удивился: почему шалава и привокзальная? Но она ничего не ответила, только облила его взглядом, полным презрения.

«Гордая», — подумал он и понял, что, если он хочет обладать Анитой, ему придётся развестись с Мариной. И он развёлся. На развод он решил спонтанно, не обдумывая ни минуты реакцию на него жены, детей, друзей. У него была одна цель — заполучить Аниту.

Марина, как и следовало ожидать, была ошарашена, сначала она не поверила, что муж говорит о разводе серьёзно. А когда поняла, что он не шутит, как-то сразу поникла и постарела лет на десять. Но удерживать мужа не стала. Ни слёз, ни скандалов, ни упреков. Всё это он получил от детей.

Сын и сноха сразу же отвернулись от него и перестали общаться, запретив видеться с внуками.

А дочь вылила на его голову целый поток брани и проклятий. Разъярясь, она кричала в лицо отцу:

— Ты ещё пожалеешь, что связался с этой треклятой гадюкой!

Гадюкой дочь называла Аниту. И никак иначе, только гадюка. Как ни странно, она оказалась права. Анита на самом деле оказалась змеей.

Гордей Тимофеевич, вероятно, не слишком внимательно читал «Божественную комедию» Данте Алигьери. Если вообще читал. Иначе бы он помнил, что там написано дальше: «Я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Так всё и случилось после его женитьбы на Аните. Мудрый классик как в воду глядел.

Хотя сначала всё у них складывалось хорошо и, даже с точки зрения Гордея, который до этого не был склонен к романтике, волшебной! Анита была нежна и трепетна. Она напоминала ему цветок белой ветреницы, тончайших лепестков которой по весне едва заметно касается очарованный её хрупкостью ветер. Дословно ботаническое название ветреницы переводится как «дочь ветров». По одной из легенд, ветреницы выросли из пролитых Афродитой слёз, когда она тосковала по утраченному возлюбленному. Но Гордей свою возлюбленную не утратил, а обрёл. По крайней мере, именно так он считал в первые недели их скоропалительного брака. Поэтому на протяжении всего медового месяца он не плакал, а улыбался и даже смеялся от счастья. Наконец-то оно пришло к нему!

Если бы голова Гордея Тимофеевича не кружилась так сильно от страсти, он бы уже во время свадебного путешествия заметил непомерные аппетиты молодой супруги. Но даже если бы и заметил, навряд ли меркантильность Аниты хоть как-то от-

разилась бы на отношении к ней мужа. Он готов был потратить на неё все деньги! И опять же только для неё одной заработать новые. Как там пелось в старинной песне: «Когда б имел золотые горы и реки, полные вина, всё отдал бы за ласки, взоры, чтобы владела мной одна». Так вот, Трифонов горы в некотором роде имел, и в отличие от героя той же песни, обещавшего гипотетически, Гордей отдавал. И никто ему, кроме Аниты, как он тогда считал, был не нужен. Взамен ему хотелось только одного, чтобы Анита продолжала любить его так же горячо, как в их первые ночи любви. Трифонов глотал виагру и наслаждался новизной отношений. В конце концов Анита настолько очаровала его, что он решил завещать ей всё движимое и недвижимое. К тому же повёл себя как последний дурак и в постели проговорился ей об изменении завещания в её пользу как о свершившемся факте.

После чего сексуальные аппетиты Аниты возросли в несколько раз, и она стала просто необузданной. Трифонов был на седьмом небе от счастья, он считал, что из-за благодарности и от восхищения его щедростью жена воспылала к нему ещё большей любовью.

Гордей Тимофеевич как-то не удержался и похвастался темпераментом своей жены перед своим старинным другом Дмитрием. А тот вместо того, чтобы восхититься, поправил на носу очки в тонкой золотистой оправе и спросил осторожно: «А тебе не кажется, Гордей, что твоя жена просто-напросто надеется избавиться от тебя таким экстравагантным способом?»

Обескураженный, Гордей тогда сначала растерялся, а потом буквально взбеленился от ярости. Кому же приятно, когда близкий друг говорит тебе в гла-

за чуть ли не прямым текстом: «Дурачина ты, простофиля!» Этого Гордей не мог простить никому, да же Дмитрию, поэтому и закричал, брызгая слюной:

— Ты просто завидуешь мне! Твоя толстуха Танька давно потеряла товарный вид, и ты, глядя на неё, зеваешь от скуки! Ты даже представления не имеешь, какой страстной и сладкой может быть молодая, сочащаяся от желания женщина.

— Куда уж мне, — вздохнул Дмитрий, как показалось тогда Гордею, с тоской по утраченным возможностям. На самом же деле друг вздыхал от сочувствия и тревоги за Трифонова. Его самого как раз-таки и устраивала его пышная жена, которая, несмотря на возраст и некоторую полноту, выглядела молодо и аппетитно. По крайней мере, молодые мужчины на неё заглядывались. Но муж любил её не за это. А за то, что мог поговорить с ней на любую тему и обсудить с ней все проблемы, возникающие на работе. Да и радоваться его успехам никто не мог искренней и ярче, чем родная жена.

После этой размолвки отношения двух давних друзей сошли на нет. До Гордея доходили слухи, что Дмитрий и Татьяна продолжают дружить с его бывшей женой Мариной. Но это ничуть его не волновало. Хотя поначалу по его самолюбию больно царапнул тот факт, что большинство его знакомых остались верны приятельским отношениям с Мариной и довольно холодно приняли ослепительную Аниту. Потом он махнул на это рукой и сделал вид, что знать ничего не знает и знать не хочет.

Трифонов продолжал наслаждаться жизнью, благо здоровье не подкачало. Стараясь как можно больше времени посвящать Аните, он даже большую часть производственных дел переложил на замов. Благо весь процесс был отлажен, завод работал в

прежнем режиме и приносил доходы. Насторожился он только тогда, когда до него дошли сплетни, что вроде бы его замы стали вести более роскошную жизнь, чем вели прежде. Один из них даже яхточку себе прикупил, а другой усадьбу для дочери в ближнем зарубежье. «Надо бы вернуться к делам», — подумал тогда Гордей Тимофеевич и, дав себе побездельничать ещё месяц, вернулся-таки к работе. Замам это, может быть, и не понравилось, но они ничем себя не выдали, наоборот, сделали вид, что обрадовались.

— Наконец-то, Гордей Тимофеевич! — воскликнул один.

— Мы жаждали вас, — поддержал его другой.

Анита отнеслась с пониманием к решению мужа отдавать больше времени работе, и даже вроде как бы обрадовалась, что он вернулся к полноценному занятию бизнесом.

— Теперь у нас будет ещё больше денег, — пошутила она.

— А то тебе их не хватало, — благодушно отозвался он.

— Деньги никогда лишними не бывают, — резонно заметила жена.

«Молодая, да ранняя», — подумал он с гордостью.

Всё свободное время супруги проводили вместе. Трифонов вывозил жену на все торжественные мероприятия, собрания и даже чисто дружеские вечеринки. Анита любила общество. Ей нравилось возвращаться среди обеспеченных и успешных людей. Она завела себе множество знакомых среди жён, подруг и даже дочерей предпринимателей и не только.

И всё бы ничего, но спустя полтора года отношение Аниты к мужу резко изменилось. Она ста-

ла отказывать ему в близости, грубить, потом дала ему понять, что он ей наскучил. Дальше — больше, вскоре она, не стесняясь, стала демонстрировать ему свою холодность и даже пренебрежение не за закрытыми дверями их супружеской спальни, а на людях. Поначалу Гордей Тимофеевич не мог поверить своим глазам и ушам. Когда же до него начало доходить истинное положение вещей, он, закрипев зубами от ярости, пообещал наказать ставшую строптивой супругу. Однако ей пока ничего не сказал.

Зато одна из приятельниц Аниты предупредительно заметила в разговоре с ней:

— Тебе бы, милочка, стоило вести себя поосторожней с Гордеем.

— Ещё чего! — отозвалась молодая жена Трифонова.

— Если будешь вести себя неразумно, то ты можешь потерять богатого мужа.

— Кому нужен этот старый пень, — презрительно фыркнула Анита.

— Не скажи, — улыбнулась приятельница, — во-первых, он вовсе не старый, ему и пятидесяти шести нет, а во-вторых, будь он хоть престарелым Квазимодо, его деньги прельстят не одну юную прелестницу.

Анита в ответ громко рассмеялась, давая понять, что она уверена в своей власти над мужем. Приятельница в ответ только плечами пожала, давая понять, что дело хозяйское, но я тебя предупредила.

Трифонов тогда стоял в тени беседки и отлично слышал весь их разговор. Если до этого в сердце Гордея всё ещё боролись любовь и ненависть к жене, он всё ещё желал её. Но после услышанного в душе его точно что-то перевернулось, и он почувствовал, что не испытывает к Аните не только прежней

пылкой страсти, но даже слабого желания. Он переселился жить на другую половину дома и всячески избегал встреч с женой. Он даже обедать дома перестал. Ужинал тоже чаще всего в городе или у себя в кабинете. О завещании Гордей пока не вспоминал.

Глава 2

Прошёл примерно месяц, и неожиданно Трифонов почувствовал, что его потянуло к прежней жене. Ему захотелось помириться с детьми. Промаявшись несколько дней, Гордей набрался храбрости и позвонил Марине. Сначала ему хотелось просто услышать её голос, а потом он решил попросить её о встрече. Очень боялся, что она откажет ему. Но Марина согласилась.

Вернее, когда она взяла трубку, то по её голосу Гордей почувствовал, как она удивлена и встревожена. Первым вопросом, который она задала бывшему мужу, был:

— Гордей, как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил он.

— У тебя что-то случилось? — продолжала допытываться Марина.

Сердце Гордея радостно забилося. Она всё ещё любит его! Иначе не стала бы так явно беспокоиться о нём.

— У меня всё нормально, — ответил он на её вопрос.

— Зачем же тогда ты мне звонишь? — Голос бывшей жены стал сухим.

— Соскучился, — честно признался он.

— Соскучился? — удивилась она.

— А разве человек не может соскучиться по другому человеку, с которым прожил вместе не один десяток лет?

— Странно, что ты об этом вспомнил, — печально отозвалась она.

— Может, я и не забывал, — обиделся он. — Откуда ты знаешь?

— Гордей, ты что, смеёшься надо мной? — спросила бывшая жена.

— Нет, что ты! — испугался он.

— Если бы ты скучал обо мне, — с горечью вырвалось у Марины, — то не развёлся бы со мной! И не женился на другой.

— Когда мы жили вместе, я не сознавал, насколько ты мне дорога, — признался он почти искренне.

— Тебе что, молодая жена рога наставила? — неожиданно спросила Марина.

— Не знаю, — растерялся он, — с чего ты взяла?

— По твоему голосу.

— Дело не в рогах, — вздохнул Гордей, — просто она меня не понимает, — пожаловался он.

— Может, и правильно делает?

— То есть?

— Что толку в том, что я тебя понимала или, по крайней мере, всегда старалась понять?

— Толку вышло мало, — согласился он и попросил: — Марина, прости меня, пожалуйста.

— Считаю, что уже простила, — вздохнула женщина.

— Правда? — обрадовался он.

— Правда, — прошелестел её голос еле слышно.

— Марина! Ты святая! — вырвалось у него на этот раз искренне.

— Да, наверное, — согласилась она и добавила: — Поэтому ты и ушёл от меня.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Гордей.

— Только то, что со святыми не живут.

— Но мы же с тобой столько лет прожили вместе!

— Прожили, — отозвалась Марина. — Но почти все годы, что мы прожили вместе, ты был занят делом, зарабатывал деньги, не давая себе остановиться. А когда остановился, то увидел, что я не та женщина, которая тебе нужна.

— Не говори глупостей, — неожиданно рассердился Гордей.

— Разве я не права? — удивилась Марина.

— Нет, конечно, любимая.

— Любимая? — удивилась она ещё сильнее.

— Марина! Я был таким дураком! Если бы ты только знала! — вырвалось у него помимо воли.

— Я, кажется, догадываюсь, — её голос дрогнул, и Гордею показалось, что Марина грустно улыбнулась. Видеть он этого не мог, только догадывался по изменившемуся тембру её голоса.

— Марина! Нам нужно встретиться! — воскликнул Гордей.

— Ты думаешь? — Её голос был полон сомнения.

То, что она с ходу не отказала ему, придало Трифонову решительности.

— Я в этом уверен. Нам так много нужно обсудить, глядя друг другу в глаза.

— Я даже не знаю, Гордей.

— Марина, позволь мне искупить свою вину перед тобой! — взмолился он.

— Не надо, Гордей...

— Я понимаю, что ты обижена, растеряна, но, пожалуйста, давай хотя бы встретимся и поговорим. Ведь это ни к чему тебя не обязывает.

— И тебя тоже, — отозвалась она с укоризной в голосе, но Гордей почувствовал, что она на распутье.

И чтобы подтолкнуть её к нужному решению, быстро проговорил:

— Мариночка, ты не права.

— В чём?

— Давай встретимся завтра в «Нептуне», и я всё объясню тебе.

— Завтра? — растерянно проговорила она.

— Да! Зачем же нам откладывать?!

— Хорошо, — согласилась бывшая жена, всё ещё не будучи уверенной в правильности принятого решения, — но только не в «Нептуне».

— Почему?

— Там многим знакомы наши лица.

— А где? — решил он не спорить.

И она выбрала скромную, хотя и уютную кофейню «Старая мельница».

— Хорошо. Я завтра буду ждать тебя в семь часов вечера на стоянке. Хорошо?

— Да, Гордей, хорошо. Я подъеду.

— Тогда до завтра, Мариночка.

— До завтра, Гордей.

Вернувшись домой, он прошёл мимо гостиной и услышал, как, сидя на диване, Анита с кем-то разговаривала по телефону и громко смеялась. Трифонов не прислушивался к словам жены, но, судя по кокетливому тону и смешкам, Анита разговаривала с мужчиной. «Может, Марина оказалась не так уж и не права, когда заподозрила, что я ношу ветвистые рога. Может, люди уже смеются за моей спиной». Но думать об Аните в этот вечер ему не хотелось, и Гордей решил, что разберётся с ней позднее. Рано или поздно ему потребуется от неё развод. Поэтому со-

всем неплохо нанять частного детектива, чтобы он проследил за ней и представил отчёт о её похождениях. Гордей удивлялся самому себе — надо же было быть таким слепцом, чтобы поменять Марину на эту рыжую девку.

В эту ночь Трифонов почти не спал. Сквозь открытое окно в его спальню вливались ночная прохлада и запахи влажной травы и поздних летних цветов. Он всё время забывал их названия, но пахли они изумительно. Гордей ворочался с боку на бок и вспоминал всю свою жизнь, начиная с раннего детства. Сначала прожитые годы разворачивались перед ним, как кадры киноленты, первые годы прожитые с Мариной, он помнил довольно ярко, рождение детей... А потом воспоминания стали серыми и унылыми... Что же случилось на том этапе с ним или с ними со всеми? Ведь он старался, вкалывал, как проклятый. И Марина была рядом. Потом появились деньги, и они отдалились друг от друга. Или он отдалился от своей семьи? Вот и дети — ни дочь, ни сын — не хотят даже разговаривать с ним. Пытался ли он вернуть их? Да пытался. Как? Запугивал, что лишит наследства. А потом и впрямь всё переписал на молодую жену. Гордей решил, что пришло время всё снова поменять в его жизни. Уснул он перед самым рассветом. А в семь уже пришлось встать, позавтракать и идти на работу. Благодаря множеству дел день пролетел как одно мгновение. И тут словно кто-то невидимый прошептал ему на ухо — Марина. Сердце сладко замерло. На часах было шесть вечера. Трифонов решил выехать заранее и подождать бывшую жену на стоянке перед кофейней.

Когда он подъехал к «Старой мельнице», часы на Старой башне, что напротив, показывали без двадцати семь. Да, приехал он рано. Ничего, подождёт.

Только тут он вспомнил, что, как всегда, не купил Марине цветов. Гордей дал себе зарок, что этого больше не повторится. Теперь он всегда будет дарить ей цветы. Вырулив со стоянки, он завернул за угол и, проехав несколько метров, остановился перед первым же цветочным магазинчиком. Хотел купить розы, но потом передумал и купил большой букет георгинов, которые источали не очень сильный, но приятный аромат. И что интересно: цветы разного цвета пахли по-разному. Гордей впервые в жизни обратил на это внимание и удивился. Надо же, подумал он про себя. Когда он второй раз оказался на стоянке перед кофейней, то увидел «Хонду» своей жены.

Марина тоже приехала на свидание чуть раньше, но не торопилась покидать салон автомобиля. Сколько он помнил Марину, она никогда никуда не опаздывала. Некоторые люди, желая сделать ей комплимент, говорили, «точность — вежливость королей», но Марина всегда отшучивалась: «Какая из меня королева». И это было правдой, Марина не стала королевой, даже когда они разбогатели, она осталась профессорской дочкой, такой же интеллигенткой до мозга костей, как и её папа, профессор, который не переставал лечить больных и тогда, когда самому ему было уже за восемьдесят и он сам нуждался в постоянном поддерживающем лечении. Марина и внешне, и внутренне была похожа на отца, её так и называли — папина дочка.

Мать Марины по складу характера мало отличалась от мужа. Она тоже любила свою работу и всегда с упоением рассказывала о ней, хотя была всего-навсего заведующей районной библиотекой.

«Святое семейство», — шутил над родителями жены по молодости лет зять. Тестя и тётчи уже нет в

живых, что никогда не мешало Марине гордо нести по жизни традиции родительской семьи. Она и детей воспитывала в том же духе, и отчасти, был вынужден признать Гордей, ей это удалось.

Трифонов, прихватив георгины, вышел из машины, подошёл к «Хонде» и постучал по стеклу. Дверь открылась, и на Гордея пахнуло тонким полузабытым ароматом Марининых духов. Он подал ей руку, а потом протянул цветы:

— Это тебе!

— Мне? — Она искренне удивилась, а потом смутилась и, покрасневшись как девочка, взяла цветы, уткнулась в них носом, закрыла глаза, открыла их и сказала тихо: — Спасибо тебе большое, Гордей.

В её глазах он прочитал то, что она не высказала вслух, а именно — «я не ожидала». Ещё бы ей ожидать, если даже на праздники он вместо цветов и подарков совал ей деньги и бросал небрежно на ходу: купи то, что тебе нужно.

Она всегда брала деньги таким неловким движением, отводя глаза в сторону, словно не была его законной женой и не могла распоряжаться деньгами наравне с ним. Сначала эта её манера вызывала у него усмешку, а потом начала раздражать — ну как же, она потомственная интеллигентка, а он простой парень, можно сказать, от сохи. А ещё его всё чаще посещала смутная догадка, что Марина вовсе и не радуется большим деньгам, которые стал зарабатывать муж. И, чтобы погасить нарастающее раздражение, он стал внушать себе, что вся щепетильность жены наигранна.

Может быть, именно поэтому его так обрадовала нескрываемая алчность в глазах Аниты, когда он сначала одаривал её дорогими подарками, а потом и денег стал давать столько, сколько она сначала

просила, а потом стала требовать. «Ненасытная», — думал он на первых порах с довольной усмешкой. Теперь же, глядя на жадный блеск в глазах второй жены, он вспоминал шаха из «Золотой антилопы». «Не к добру это, — думал Трифонов, — ох, не к добру».

И вот теперь он стоит напротив своей бывшей жены Марины и радуется удивлению и почти детской радости в её глазах.

— Ну, пойдём, — сказал Гордей, предлагая Марине руку, и она с готовностью ухватилась за неё. Они прошли внутрь кофейни. Гордей не мешал Марине выбирать столик, и она выбрала тот, что находился в одном из самых укромных мест в зале. Подошёл официант, зажжёт свечу на их столике, положил меню перед Мариной.

— У вас не найдётся вазы для цветов? — спросил Гордей.

— Один момент, — ответил официант, исчез в полумраке зала и почти тотчас снова материализовался уже с вазой в руках.

Марина поставила в неё георгины и аккуратно поправила стебли, потом вернулась к меню и сделала заказ, заказав пирожное, кусочек лимонного пирога и чашку крепкого кофе без сахара. Трифонов любил сладкий кофе, поэтому заказал с сахаром и со сливками. Плюс к этому он попросил принести ему что-нибудь посытнее. Официант предложил пирожки с ливером и пирог с капустой с яйцами. Трифонов кивнул и добавил:

— Принесите-ка ещё ватрушку с творогом.

— Ты голодный, — проговорила Марина и добавила виновато: — Наверное, я зря выбрала кофейню. Может, пойдём в кафе, где можно заказать и первое, и второе?

— Ничего подобного, — возразил он горячо, — ты, как всегда, выбрала отличное место. Просто я сегодня что-то проголодался.

— То-то я вижу, что у тебя волчий аппетит, — тихо рассмеялась она.

— Да нет, это у меня нервный голод.

— Ты и нервы — вещи, по-моему, несовместимые, — улыбнулась Марина.

— Просто я сильно волновался перед встречей с тобой. — Он протянул руку и несмело, как на самом первом свидании в студенческие годы, коснулся руки Марины.

— Не надо, Гордей, — как в юности попросила она.

— Разве я делаю что-то неприличное? — тихо спросил он.

— Нет, просто я пока не готова.

Её ресницы трепетали и золотились в неровных отсветах, отбрасываемых пламенем свечи.

Гордей мысленно ухватился за это «пока» и, решив дать ей время, убрал руку. Они просидели в кофейне часа два, а потом Гордей предложил пройтись по набережной. На улице всё ещё было светло. С Волги веял свежий, но совсем не холодный ветерок.

— Август в этом году тёплый. Я бы даже сказал, жаркий, — засмеялся Гордей.

— Так ведь ещё лето, — пожалла плечами Марина.

Оставив машины на стоянке, они спустились на набережную, дошли пешком до речного порта, на обратном пути заглянули в часовню, поднялись на пешеходную улицу и долго гуляли по ней. Уже смеркалось, и струи бьющих здесь фонтанов стали казаться бархатными. Марина опустила руку в чашу одного из них и о чём-то задумалась.

— Ты чего, Марина? — спросил Гордей и нежно приобнял бывшую жену.

Она не оттолкнула его, помолчав, ответила:

— Что-то боязно мне, Гордей.

— Глупенькая, чего же ты боишься?

— Я сама не знаю, — пожала она плечами и осторожно освободилась от его руки.

— Думаю, что теперь у нас всё будет хорошо, — проговорил он внезапно охрипшим голосом. Ему захотелось подхватить её на руки, закружить, как когда-то давным-давно. Он невольно вспомнил, что Марина в ту пору была лёгкой, как пёрышко. Ему показалось, что она и теперь такая же, не прибавившая ни одного килограмма. Он уже хотел убедиться в этом, но, подумав, решил отложить эти шалости на потом. Гордей Тимофеевич снова почувствовал себя молодым и влюблённым. Он смотрел на разругавшуюся жену и видел, что она тоже похорошела и помолодела.

Когда Марина сказала, что им пора расстаться, потому что уже поздно, Трифонов предложил ей отвезти её до дома. Он знал, что живёт Марина в городской квартире, которую он оставил ей. В их старом загородном доме она почти не бывает, но и не продаёт его.

Она засмеялась:

— Ты забыл, что я на машине?

— Ничего я не забыл! Оставим твою машину на стоянке, а завтра мой человек пригонит её в твой гараж.

— Нет, не надо, Гордей, — отказалась она, смущённо объяснив, что пока не хотела бы форсировать события. Мол, неловко перед людьми.

Он хотел посмеяться над её опасениями, но подумав, согласился.

— Мариночка, ты, как всегда, права, — проговорил он, наклонился и поцеловал её в висок. Конечно, он

догадался, что больше всего Марина опасалась реакции детей на возобновление их отношений.

Посадив Марину в её «Хонду», он сел за руль своей машины и некоторое время следовал за «Хондой». Но потом всё-таки развернулся и поехал в сторону своего загородного дома.

Глава 3

Несмотря на то что возвращаться домой ему не особенно хотелось, Гордей внушил себе, что совсем скоро в его доме не будет Аниты, он позаботится об этом. И вскоре Трифонов уже летел, как на крыльях. В мыслях он был с Мариной. И, как позднее признавался самому себе, почти не смотрел на дорогу.

И вдруг он заметил, как что-то промелькнуло перед его машиной. Он резко затормозил. Когда машина остановилась, Трифонов схватил фонарик, который всегда лежал у него в бардачке, и, как ошпаренный, выскочил из салона и побежал назад. В нескольких метрах позади, возле дороги, он заметил её! В тёмной траве она лежала, точно сломанная кукла в белом.

Подойдя ближе, он понял, что сбил молодую женщину. Наклонившись пониже, он увидел кровь на её одежде. Он не смог сразу сообразить, откуда именно она течёт. Трифонов, не помня сам себя от ужаса, попытался расстегнуть пуговицы на её белом платье. Но она неожиданно застонала, приподнялась, попыталась сесть и закричала:

— Нога! Нога!

И тут до него дошло, что в крови был низ её платья. Он посветил туда фонариком, и рана показалась ему чудовищной. Не говоря ни слова, он ки-

нулся обратно к машине, вернувшись с аптечкой, обработал и перевязал её рану. Ему казалось, что девушка всё это время находилась без сознания. «Я должен вызвать «скорую», — подумал он, — а значит, и полиция приедет». Ему не хотелось этого. Но что делать, он полез за мобильным. И вдруг услышал её голос: «Помогите мне, ради бога!»

— Да я сейчас. — Он уже набирал цифры, её голос прошелестел: «Приподнимите меня».

Засунув телефон обратно в карман, он выполнил её просьбу.

Девушка стала озираться вокруг.

— Где я? Что со мной?

Он попытался сбивчиво объяснить. Но она, точно не слыша его, пыталась встать.

— Вам нельзя, — испуганно закричал он, — я сейчас вызову «скорую», — и снова полез за мобильником. Больше всего его пугала мысль, что она может истечь кровью. Хотя он вроде бы хорошо перевязал её ногу.

— Нет, не надо. — Она, казалось, только заметила его и попросила: — Отвезите меня домой.

Всё ещё обмирая внутренне от страха, он испытал явное облегчение и подчинился ей. Подняв девушку на руки, он донёс её до своего автомобиля, положил на заднее сиденье и осторожно тронулся с места.

— Куда ехать? — спросил он.

Она так же тихо назвала свой адрес. Он понял, что это был район двухэтажной застройки. Дома построили в конце пятидесятых годов прошлого века. Так и оказалось, девушка жила в одном из таких домов.

Когда машина остановилась, она прошептала:

— Ключи у меня в сумочке, — всё это время она крепко сжимала её в руках, — я не смогу встать на ногу, вам придётся меня нести.

— Да, да, — поспешно ответил он.

Поднявшись по старой скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, Трифонов, поддерживая свою неожиданно отяжелевшую ношу, пытался попасть в скважину замка. Наконец ему это удалось. Он толкнул дверь ногой, прошёл через квадратную прихожую и оказался в небольшом, тоже квадратном зале. Опустив девушку на диван, он вернулся в прихожую, разулся, нашёл ванную, вымыл руки и, вернувшись, осмотрел её намокшую повязку.

Она следила за выражением его лица, потом усмехнулась, преодолевая боль:

— Что, всё так плохо?

— Да, во всяком случае, ничего хорошего, — честно ответил он, — нужен врач.

— Нет! — воскликнула она.

Но он, не слушая её возражений, набрал номер телефона знакомого врача и попросил его срочно приехать. Пока ждали врача, Трифонов представился:

— Меня зовут Гордей Тимофеевич, можно просто Гордей. А вас?

— Люция.

— Люция? — переспросил он озадаченно.

— Вам не нравится моё имя? — улыбнулась она через силу.

— Просто имя достаточно редкое...

— В России да, — согласилась она. — А вообще моё имя переводится с латинского как «свет».

Он посмотрел на неё и решил, что это имя подходит ей, как никакое другое. Измученное от боли лицо было таким бледным, что почти сливалось с белой наволочкой подушки, на которую он пристроил её голову. Мужчина заметил, что на лице девушки не было косметики. Волосы у неё были тоже светлыми. Ему нравилось то, что девушка держит-

ся молодцом, не кричит, не плачет, даже пытается храбриться.

Приехавший доктор осмотрел ногу девушки. Обработал рану, перевязал. Сделал Люции два укола и спросил Трифонова:

— Гордей Тимофеевич, что случилось с девушкой?

Трифонов уже собрался выложить правду, как заговорила сама девушка:

— Я гуляла вдоль дороги в траве.

— Ночью? — удивился врач.

— То есть я не совсем гуляла, — поправилась она, — я шла домой с вечеринки, решила сократить путь и заблудилась.

Трифонов видел по выражению лица доктора, что он не верит ни единому её слову.

Но та продолжала, и голос её слегка окреп:

— Я почувствовала, что на что-то налетела и закричала от боли. Потом, кажется, остановилась машина, и ко мне подбежал этот человек, — она кивнула в сторону Гордея и проговорила с нажимом в голосе: — Доктор, вы ведь видите, что я разбила ногу о камень.

— Всё может быть, всё может быть, — пробормотал врач и отвернулся в сторону. Потом, решив что-то про себя, он посмотрел на Трифонова и спросил: — У девушки есть родственники или знакомые?

— Нет! — быстро ответила она.

— Тогда понадобится сиделка, — озабоченно проговорил врач, пожевал губами и проговорил: — Я могу посоветовать вам одну квалифицированную сестру.

— Нет, не надо, — жалобно проговорила Люция.

— Вопрос с сиделкой я решу сам, — заверил доктора Трифонов, проводил его в прихожую, расплатился и закрыл за ним дверь.

— Зачем вы заставили врача солгать? — спросил Трифонов, садясь на стул возле постели пострадавшей.

— А что мне оставалось делать? — пробормотала она смущённо.

— Я должен вас поблагодарить? — печально усмехнулся он.

— Ну что вы! — пылко возразила она. — Это я должна поблагодарить вас.

— По-моему, не за что.

— Вы не правы! Ведь вы могли оставить меня на обочине дороги истекать кровью.

— Я не подумал об этом, — честно ответил он.

— Вот видите. — Она посмотрела на него ласково.

Он смутился и сказал:

— Я посижу с вами до утра, а потом подыщу вам сиделку.

— Ерунда, — бодро воскликнула она, — до утра я уже оклемаюсь настолько, что смогу сама доковылять до туалета и до кухни.

— Об этом и думать нечего, — запротестовал Гордей, — вам нельзя вставать.

— Мне нельзя залёживаться, — не согласилась она.

— Почему?

— Потому, что мне нужно работать. Иначе я умру с голоду.

— Об этом можете не беспокоиться, — уверенно проговорил Гордей, — итак, решено: я остаюсь у вас на ночь, а потом мы что-нибудь придумаем.

— Что же я могу с вами поделать, — беспомощно улыбнулась она, — я теперь полностью в вашей власти.

Он посмотрел на её лицо и понял, что она, таким образом, пошутила. По-видимому, начало действовать обезболивающее, введённое доктором, так как щёки девушки порозовели.

— Кстати, где вы работаете? — спросил он.

— В бутике «Малышка».

— Какое странное название. Никогда о таком не слышал, даже не догадывался, что теперь и детям покупают одежду в бутике.

— Он не для детей, — улыбнулась она.

— А для кого же?

— Для миниатюрных дам.

— Ах вот оно что. Есть хотите?

— Что?

— Есть, говорю, хотите?

— Нет, — ответила она, — но чаю бы выпила.

— Отлично, — сказал он и признался: — А я бы и закусил.

— Кухню найдёте? — спросила девушка.

— Легко!

— Тогда и холодильник найдёте, в нём сыр и колбаса. Сделайте себе бутерброды, а мне только чай.

— Договорились.

Трифонов нашёл не только хлеб, колбасу и сыр. Но и поднос в шкафу, на который поставил чашки с чаем и тарелки с бутербродами. Он приложил минимум усилий, не надеясь особо на успех, но его уговоры помогли, и Люция согласилась поесть. Он подложил ей под спину подушку, на колени поставил поднос. И она съела половину бутерброда с сыром, запив его чашкой крепко заваренного сладкого чая. Всё остальное съел Гордей.

— Хотите, я расскажу вам о своём имени? — спросила она, когда Трифонов отнёс грязную посуду на кухню и сложил её в раковину.

— Хочу, — кивнул он, — рассказывайте.

Нельзя было сказать, чтобы его слишком уж интересовала история имени девушки, сбитой им. Но надо же было чем-то занять время. Да и обижать бедняжку ему не хотелось.

— Так вот, — начала она. — В Швеции есть красивый предновогодний праздник — День святой Люции. Отмечается он 13 декабря.

В этот день шведы встают до рассвета, чтобы увидеть, как с первыми лучами солнца из утреннего тумана выплывает юная девушка неопишуемой красоты, по плечам и спине её струятся светлые длинные распущенные волосы. В руках у Люции блюдо, на котором лежат подарки для бедных людей, а над головой её светится нимб. День святой Люции в древности считался также праздником света. В ту пору люди говорили: «Со святой Люцией ночи убывают».

Пословица несколько изменилась после принятия григорианского календаря. До реформы 1582 года день 13 декабря считался самым тёмным днём в году и его отмечали процессиями с горящими факелами и свечами. После реформы день зимнего солнцестояния — то есть самый короткий день в году передвинулся на 21 декабря. Поэтому шведы стали говорить: «Со святой Люцией ночи убывают, но дни длиннее не становятся». Но тем не менее шведы чтят свою традицию и по сей день зажигают факелы и свечи, чтобы рассеять зимнюю тьму. В этот день выбирают самых красивых девушек везде, где только можно.

После избрания всех Люций люди выходят на улицу, и начинается очень трогательное и красивое

шествие. Юные девушки, облачённые в лучшие костюмы и в венках из брусничных веток, несут зажжённые свечи, их сопровождают молодые люди со звёздами и факелами. И все передвигаются по городу и поют рождественские песни. Так что для шведов День Святой Люции почти что Рождество. Люди заходят в школы, офисы, рестораны, кафе, лакомятся булочками с шафраном, грогом и коньяком, миндалем и виноградом. Красиво, правда? — Девушка во время всего своего рассказа смотрела прямо перед собой, а теперь повернула голову в сторону мужчины.

Трифонов же, наоборот, всё это время смотрел на неё.

— Красиво, — согласился он. — Жаль, что это только сказка.

— Не совсем, — ответила девушка. — Надпись на могиле в катакомбах Сан-Джованни в Сиракузах, датированная 400 годом, позволяет предположить, что она на самом деле жила там. К тому же о святой Люции упоминается во всех христианских документах. Около 600 года и в Сиракузах, и в Риме существовал монастырь Святой Люции.

— Да, — зевнул Гордей Тимофеевич, — и кто же она была на самом деле?

— Святая мученица.

— Мученица? — резко спросил Трифонов.

— А кто же, вы думали? — едва заметно улыбнулась девушка. — Первые описания её мученичества относятся к V—VI векам. Считается, что эта сицилианская дева умерла в мучениях за веру в III веке, во времена правления императора Диоклетиана.

— Бедняжка.

— О самой святой Люции известно не так уж много. Но я могу рассказать легенду о ней. Хочешь? — перешла она на «ты».

— Рассказывай, чего уж там, — разрешил он.

— Люция жила на Сицилии. Была она дочерью богатого римского гражданина из Сиракуз, который рано умер. Мать Люции, Евтихия, хотела выдать дочь замуж. Люция была красивой и умной девушкой, поэтому жениться на ней хотели многие. Но она отвергла всех женихов. Мать смирилась с желанием девушки принести обет безбрачия и посвятить свою жизнь служению Христу и помощи бедным после того, как заболела, а потом исцелилась от кровотечений на могиле святой Агаты в Катании.

Однако обиженные женихи думали иначе. Один из них пришёл в такое бешенство, что возбудил против Люции жестокое преследование. Судья Сиракуз Пашазиус принял сторону женихов и хотел отдать девушку в публичный дом.

— О времена! О нравы! — пробормотал Гордей.

— Да, — согласилась девушка и продолжила: — Только повозку, запряжённую быками, не смогли сдвинуть с места тысяча мужчин. Озверевшие женоненавистники подвергли Люцию многочисленным изощрённым пыткам. А перед смертью её ослепили, поэтому у святой Люции просят прозрения. Потом ей отрубили голову мечом. Как свидетельствуют некоторые документы, случилось это в 305 году.

— Ты нагнала на меня тоску, — вздохнул Гордей Тимофеевич.

— Но не всё так печально.

— Да ну?

— Конечно, на День святой Люции дарят подарки, у католиков даже есть поговорка, которая пере-

водится на русский язык так: «Святая Люция дарительница, двенадцать дней до Рождества».

— Подарки — это хорошо, — согласился Гордей Тимофеевич.

— Кто бы возражал? А ещё по народным поверьям святая Люция оберегает от колдовства и чар.

— Значит, в случае чего я могу обращаться к тебе за помощью, — пошутил он.

— погоди, — воскликнула девушка, — это ещё не всё! Некоторые верят, что на святую Люцию ведьмы сбивают под мостами масло, ходят ночью в белых покрывалах, устраивают шабаши, а ещё танцуют на перекрестках и могут «затанцевать» попавшихся им мужчин и парней до смерти.

— Нечего сказать, порадовала! — притворно вздохнул он.

— Существует средство защиты!

— Какое? Нет, погоди, сам угадаю с трёх раз — чеснок!

— Так нечестно! С первого угадал. Но там есть условие.

— Скажи какое, — попросил Гордей.

— Хорошо. Чеснок нужно не есть, а, прежде чем выйти в эту ночь на улицу, натереть им лоб, руки и ступни...

— Что ж, уяснил, буду теперь приходить к тебе с ног до головы натёртым чесноком.

— А ты что, собираешься приходить ко мне? — тихо спросила Люция.

— Придётся, пока на ноги не встанешь.

— Это совсем не обязательно.

— Мне лучше знать, что обязательно, а что нет.

— Как хочешь, — вздохнула она и замолчала. Вскоре он догадался, что она заснула.

— Так вот она, значит, какая, Люция, — пробормотал Гордей себе под нос. Она лежала в постели, а он сидел рядом в кресле и молил Бога, чтобы наступило её скорейшее выздоровление. Незаметно для себя он и сам заснул. Но проснулся всё-таки раньше неё. Даже вымыл составленную с вечера в мойку посуду и приготовил незамысловатый завтрак.

Открыв утром глаза, Люция выглядела удивлённой.

— Ты всё ещё здесь? — спросила она. — Разве тебе не надо идти домой?

— Нет.

— А на работу?

— Надо.

— Тогда иди.

— Сейчас покормлю тебя и уйду.

После завтрака она принялась выпроваживать его более настойчиво. И он уступил. Оставил ей на столике рядом воду, лекарства, сок, который нашёл в холодильнике, и пачку печенья.

— Я приеду вечером.

— Не надо.

— Вот. — Он раскрыл бумажник и достал из него приличную сумму.

— Что это? — удивилась она.

— Разве не видишь, — начал сердиться он, — деньги!

— Что это деньги, вижу, но не понимаю, зачем ты суёшь их мне.

— В качестве морального и материального ущерба.

— Какая чушь! Ничего мне от тебя не надо.

— Люция! Не дури!

— Сам не дури, — огрызнулась она неожиданно резко.

— Ладно, — он сунул деньги обратно, — потом поговорим. — Уходя, он положил деньги в тумбочку в прихожей.

К обеду Гордей решил, что сам станет её сиделкой. Вечером, накупив продуктов, он примчался к Люции. Позвонил в дверь и тут же, опомнившись, начал ругать себя, на чём свет стоит. Он же, уходя, захлопнул дверь, оставив беспомощную девушку в запертой квартире. От бессильной ярости на себя он изо всей силы грохнул кулаком по двери и решил взломать её. Но тут приоткрылась дверь соседней квартиры, и маленькая старушка спросила сердито:

— Вы чего буяните, гражданин?! Я сейчас полицию вызову!

— Не надо полицию! — взмолился он. — Я вчера привёз Люцию домой. Она повредила ногу. А потом забылся и, уходя, захлопнул дверь. Сейчас взломаю.

— Я тебе взломаю, — погрозила ему старушка сухеньким кулачком, — ишь, озорник какой!

— Но как же быть? — растерянно захлопал глазами Гордей.

— А никак. Люция отдыхает, — отрезала старушка.

— То есть? — изумился он.

— Она позвонила мне утром и попросила зайти к ней.

— Как то есть зайти? — продолжал удивляться Гордей. — Вы что, умеете сквозь закрытые двери проходить?

— Зачем же сквозь закрытые? Ключик у меня есть запасной! Вот он! — Она достала ключ из кармана передника и показала ему.

— Так давайте мне его скорее, — бросился к ней Трифонов.

— Стой, где стоишь! — крикнула старушка и быстро спрятала ключ обратно в карман.

«Просто картина маслом, — подумал Гордей. — Ну-ка, отними!» А потом спросил:

— Почему вы не хотите пускать меня к Люции? Она вам кто?

— Соседка. А пускать не хочу, потому что она не велела.

— Как то есть не велела? — не поверил Трифонов своим ушам.

— А так. Девушка плохо себя чувствует и никого видеть не хочет.

— Даже меня?

— Тебя в первую очередь, — усмехнулась она.

«Наверное, Люция рассказала ей, что это я сбил её вчера ночью на дороге. Какой же я осёл!»

— Хорошо, — неожиданно сделался он покорным. — Я тут продукты купил. Вот, ставлю сумку возле двери. А сам ухожу. Вы передадите их ей?

— Не сомневайся, передам, — закивала старушка головой и не двинулась с места.

Гордей понял, что она ждёт его ухода, и, поставив сумку, быстрым шагом направился к лестнице. Сбежав на первый этаж, он услышал шаги и догадался, что старушка засеменила к квартире Люции. Возвращаться он не стал. Он уже знал, что предпримет.

Глава 4

На следующий день Трифонов спросил у своей секретарши:

— Марьяша, ты не знаешь, где находится бутик «Мальшка»?

— В старом городе, — ответила она и, назвав улицу, добавила: — В полуподвале.

В её взгляде он прочитал вопрос: «А вам зачем?» Но отвечать на него, разумеется, не стал. Вместо этого спросил:

— Это хоть приличное место?

В её глазах запрыгали чёртики:

— Вполне.

— Тогда лады. Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Но если вы хотите купить что-то для жены, — всё-таки не выдержала она, — то «Малышка» не для вас.

— Это ещё почему?

— Потому, что в ту одежду, что там продаётся, не влезет ни одна нормальная женщина.

— В смысле нормальная?

— Аппетитная, — усмехнулась Марьяна, прекрасно осведомлённая о вкусах шефа. Нет, Трифонов не любил толстых, но и ходячие скелеты его не прельщали.

Вечером того же дня Трифонов поехал по адресу, данному ему секретарём. «Малышку» он нашёл сразу. Бутик и правда располагался в полуподвальном помещении. Но место было престижным, и Трифонов, зная о ценах на аренду, проникся к хозяйну или хозяйке бутика уважением. Спустившись по лестнице вниз, он оказался в уютном помещении, с интересом оглядел зал, дошёл до рядов с одеждой и подумал про себя: «Да, вещички на Дюймовочек или на школьниц. Но школьницам такое носить рановато».

— Может быть, вам помочь? — обратилась к нему девушка, до этого сидевшая за небольшим столиком у окна.

— Да, может, — широко улыбнулся он, — мне бы повидать хозяйку этого места.

— Веронику Олеговну? — спросила девушка.

— Её самую, — кивнул Гордей, хотя представления не имел о том, как на самом деле зовут владелицу «Малышки».

— Но она уже ушла, — проинформировала его девушка, — и будет завтра не раньше одиннадцати.

— Ночи? — подмигнул он ей заговорщицки.

— Ну что вы! — возмутилась девушка. — Дня, конечно.

— Простите, Оленька, — Трифонов удосужился прочитать имя девушки на бейджике, — это я так неудачно пошутил.

— Бывает, — обронила она насторожённо.

— Хотя, может быть, мне и не нужно будет дожидаться эту вашу. — Он пощёлкал пальцами.

— Веронику Олеговну, — подсказала девушка.

— Точно! Вы ведь тоже можете мне помочь?

— Чем?

— Понимаете, я познакомился с чудесной девушкой!

«Я-то тут при чём?» — вопрошали глаза Ольги.

Не обращая внимания на её недоумение, Трифонов продолжил:

— Её зовут Люция! И она работает в вашем бутике. Но я её что-то не вижу! Где она?

— Бедняжка Люция, — поскущнула Ольга, — она сегодня позвонила и сказала, что приболела. Вероника Олеговна разрешила ей отлежаться в течение нескольких деньков. — Оглядев Трифонову оценивающим взглядом и решив, что он мужчина солидный, а не шалопай какой-нибудь с пустыми карманами, девушка предложила: — Хотите, я дам вам её телефон?

— Лучше я вам дам свой! — быстро нашёлся Трифонов.

Девушка замерла, а потом проговорила, растягивая слова по слогам:

— Не поняла.

— Я оставлю вам свой телефон, — ласково улыбаясь, пояснил он, — и вы мне по нему позвоните, когда Люция выйдет на работу.

Ольга открыла было рот, но он не дал ей вымолвить и слова:

— Вот номер телефона, а вот благодарность за беспокойство. — Трифонов сунул в руку растерявшейся девушки деньги и номер своего телефона. — Вы ведь позвоните мне, Оленька?

Она переводила взгляд с Трифонова на деньги и обратно, потом закивала:

— Да, да, я вам обязательно позвоню.

— Спасибо вам большое, добрая душа, — улыбнулся он, — так я пойду.

— Конечно, идите.

— До свиданья, Оленька.

— До свиданья. — Она глянула на его визитку и проговорила: — Гордей Тимофеевич.

Трифонов открыл дверь, и колокольчик прозвенел ему вслед. У Гордея не было сомнений в том, что девушка сдержит своё слово. Но, несмотря на уверенность, вся жизнь его превратилась в одно сплошное ожидание. Ему стало казаться, что дни и ночи стали резиновыми, они тянулись и тянулись, точно так, как когда-то давным-давно тянулись дни в раннем детстве в ожидании того, когда же мама наконец придёт с работы.

И вот настал день, когда Ольга позвонила ему. Говорила она шёпотом, и Трифонов догадался, что девушка находится в помещении не одна и рядом есть чужие. «Может быть, это даже Люция», — промелькнуло в его голове.

— Она рядом с вами? — спросил он.

— Нет, она занимается клиенткой. Вам не стоит приезжать сюда днём. Если хотите не только увидеть её, но и поговорить с ней, приезжайте к закрытию магазина. Она обычно выходит из бутика последней.

— Хорошо, спасибо, Оленька, — поблагодарил Гордей.

Вечером он ждал Люцию возле бутика с букетом белых роз. Она на самом деле, как и предупреждала Ольга, вышла из магазина последней и, увидев его, удивилась и растерялась одновременно.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Жду вас, — Гордей Тимофеевич протянул ей розы, — наконец-то я вновь вижу вас. — Так они снова перешли на «вы», забыв, что в ту трагическую ночь у неё дома были на «ты».

Люция, смущённо улыбаясь, пробормотала:

— Что вы! Зачем? — Она сделала жест, точно хотела оттолкнуть букет.

— Ну вот, — сказал он, — вы сначала прячетесь от меня, а потом даже скромный букет не хотите принять. — Трифонов покривил душой, букет не был скромным и стоил довольно дорого. Но для Гордея Тимофеевича такие деньги были мелочью.

— Я не пряталась, — проговорила она серьёзно, — просто ужасно выглядела и не менее ужасно чувствовала себя. И мне вовсе не хотелось, чтобы за мной наблюдали глаза постороннего мужчины.

— Я не посторонний, — обиделся он и спросил: — Так вы возьмёте букет или мне выбросить его в урну?

— Зачем же выбрасывать такие красивые цветы? — едва заметно улыбнулась она.

После того как Люция согласилась принять букет, Трифонов предложил:

— Может, мы пойдём где-нибудь поужинаем с вами?

— Нет, я не могу, — покачала она головой.

- Почему?
- Я одета совсем не для светских раутов.
- Мы можем выбрать скромное кафе.
- Нет, я ещё недостаточно хорошо себя чувствую, — заупрямилась девушка.

Гордей Тимофеевич отвёз её домой. Он решил набраться терпения и не форсировать события. На следующий вечер Трифонов снова дожидался её после работы. На этот раз Люция не встретила его в штыки и даже согласилась поужинать в крохотном кафе на пешеходной улице.

О Марине Трифонов совсем забыл и, когда она сама позвонила ему, стал так неумело выкручиваться, что бывшая жена обо всём догадалась и повесила трубку. «Обиделась, — подумал Трифонов, — я, конечно, поступил с Мариной по-свински. Но кто же знал, что я встречу Люцию. Жизнь полна приятных неожиданностей, и я уже не в том возрасте, чтобы упускать своё». И Гордей Тимофеевич тут же выбросил из головы первую жену. Всю свою энергию он направил на завоевание сердца Люции. Она казалась ему удивительной девушкой. И он не уставал удивляться самому себе, как это он не разглядел её неземной красоты в их первую встречу. Хотя назвать первой встречей его наезд на Люцию было бы неправильным и даже кощунственным. Он вспомнил её искажённое от боли лицо, сливающееся с наволочкой, и подумал о том, что классики были не правы, страдания никого не украшают.

А ещё Трифонов подумал о том, что ему повезло, врач попался покладистый, а ведь мог бы и в полицию позвонить. «Люция, конечно, умница, сразу придумала отговорку. Но по лицу доктора было заметно, что он сомневается в её словах. Врач решил, очевидно, не совать свой нос в чужие дела. Если по-

страдавшая не имеет претензий, то зачем ворошить осиное гнездо?»

Гордей был снова влюблён! Очарован! Он не отдавал себе отчёта в том, что с Люцией повторилось почти то же самое, что с Анитой. Судьба снова ударила его по голове поленом страсти. Иначе то, что случилось с ним, и назвать нельзя. Конечно, можно было бы выразиться мягче, романтичнее, типа случилось с ним что-то наподобие солнечного удара. Можно и так. Но полено вернее, так как солнечный удар мозгов всё-таки не вышибает. А тут... Короче, не зря же говорят, что, если судьба кого-то хочет наказать, она лишает его разума. Именно это случилось с Гордеем. Переполненный своими чувствами, он пошёл проторённой тропой и переложил часть своих обязанностей на замов. Те сделали вид, что дополнительная производственная нагрузка им ни к чему. Но особо кочевряжиться не стали.

«Вот и ладненько», — мысленно потёр руки Трифонов. Освободившееся от работы время он использовал на всю катушку. Гордей и в юности не умел читать стихов, петь под гитару, никогда не забирался на балкон к любимой с букетиком полевых цветов. А тут точно с цепи сорвался! Нет, полевых цветов он Люции не дарил, но зато задаривал шикарными букетами и корзинами с цветами. Чего греха таить, даже стихи бормотать пытался в упорении страстью.

Впрочем, между Люцией и Анитой была одна существенная разница. Люция ничего у него не просила, подарки принимала неохотно. И не делала попыток увести его из семьи. То есть была девушкой не меркантильной и, по представлениям Гордея, глубоко порядочной.

Она даже чувств своих первое время никак не проявляла. Но её холодность только распаляла Гордея. Он готов был забраться на Эверест, нырнуть в Мариинскую впадину, сразиться с драконом. Лишь бы угодить Люции. Но она не требовала от него подвигов, знаки внимания принимала благодарно. Но благодарность её была сдержанной, никаких бросаний на шею и восторженных криков!

Наконец его труды увенчались успехом. Девушка ответила ему взаимностью. Сначала их встречи были невинны, они ходили в театры, музеи, в филармонию, в кафе. Однажды Люция предложила ему сходить в лютеранский храм, чтобы послушать орган. Желая угодить ей, он согласился. Звуки органа растревожили его душу, была в них какая-то хрустальная печаль. Не зная, что сказать, он спросил:

— Ты лютеранка?

— Нет, — улыбнулась она.

— Тогда зачем мы здесь?

— Чтобы послушать орган. Разве тебе не понравилось?

— Понравилось, — солгал он, не задумываясь над своей ложью.

Она, должно быть, догадалась о его ощущениях, во всяком случае, они больше ни разу не ходили слушать орган. В музеях Трифонов откровенно скучал, на её восхищённые отзывы о «Чёрном квадрате» Малевича он сказал:

— Да я тебе за один час столько этих квадратов небольшую, что ты сможешь ими всю гостиную обклеить.

Она рассмеялась.

— Чего ты смеёшься? Не веришь мне? — расплился Гордей, готовый немедленно взяться за кисть.

— Верю. Только это будут квадраты не Малевича, а Трифонова.

— Какая разница? — пожал он плечами.

Она прыснула со смеху. Его простодушная непосредственность, граничащая порой с медвежьей неуклюжестью, не могла не растрогать девичье сердце.

Потом она заманила его в филармонию, и он зевал, прикрывая рот рукой. Театры были ему ближе, некоторые спектакли даже развлекали его. Зато в кафе и ресторанах Гордей чувствовал себя как рыба в воде. И вот однажды они стали близки. Трифонов купил девушке хорошую квартиру и перевёз её туда. Оказалось, что та квартира, на которую он привёз её после наезда, не была её собственной. Люция её снимала. Гордею хотелось поселить её в новом элитном доме. Но она отказалась и выбрала жильё попроще.

— Не люблю выделяться из толпы, — пояснила она.

Он пожал плечами, и на память ему пришёл рассказ о её родителях. Рассказывая о них, девушка называла их скромными людьми. «Ладно, пусть сейчас будет так, как хочет она. А потом посмотрим», — решил Гордей. Зато Трифонов не поскупился на благоустройство новой квартиры для любимой. Мебель он тоже выбрал по своему вкусу, дорогую, лёгкую на вид, из натурального дерева. Он хотел, чтобы на полу был паркет и ковры. Но она сказала:

— Обойдёмся ламинатом, а ковры — это вообще натуральные пылесборники.

Трифонов рассмеялся:

— А пылесос для чего?

— Я бы не хотела, чтобы этот агрегат стал моим извечным спутником жизни.

— А давай мы тебе горничную найдём! — предложил он.

— Ещё чего удумал, — отмахнулась Люция, — не люблю я, когда чужие люди толкуются в моём доме.

— Привыкла бы.

— Я вообще не люблю, чтобы мне прислуживали.

— Ишь, какая щепетильная, — усмехнулся он.

Позднее они ходили по квартире вдвоём, взявшись за руки, как дети.

— Так тебе нравится? — спросил Трифонов.

Люция, оценив его труды и щедрость, не стала больше сдерживаться, бросилась ему на шею и прошептала в самое ухо:

— Спасибо, Гордей.

Он был растроган и, не зная, что сказать, засмеялся:

— Щекотно.

Она убрала губы от его уха.

— Так лучше? — спросила она серьёзно.

— А теперь, мне кажется, что чего-то не хватает.

Люция рассмеялась своим серебристым смехом:

— На тебя не угодишь.

— Это тебе только так кажется, а вообще-то я покладистый.

Следующим его подарком ей была машина. Ослепительно-белая «Ауди».

Трифонов совсем забыл об Аните, вернее, он думал, что она занимается своей жизнью, и до мужа ей нет дела. И вдруг Гордей заметил слезку!

Он догадался, что жена пронюхала о его связи и переполошилась. Сам-то он так и не нанял сыщика для слежки за женой. Надо было что-то предпринимать, и Гордей Тимофеевич решил наконец-то развестись с вздорной Анитой и жениться на Люции.

Глава 5

Трифонов похвалил себя за то, что решение жениться на Люции не было спонтанным, как в своё время с Анитой. Теперь же, несмотря на любовь, пы-

лающую в его сердце, он выждал продолжительное время. С Люцией судьба столкнула его, вернее, бросила под колёса его автомобиля в конце августа. Он тогда как раз возвращался со свидания с Мариной, которой ясно дал понять, что собирается вернуться к ней. Большинство решат, что он обманул Марину. Но это не совсем так. Ведь Гордей тогда был с ней искренним, он на самом деле собирался вернуться в старую семью. Но, наверное, правильно говорят в народе: разбитую тарелку не склеить. И в то же время, если бы в его жизни не появилась Люция, он бы вернулся к Марине. И его жизнь потекла бы ровно и гладко по проторённой колее. «Какая тоска», — подумал Гордей, оглядываясь на своё прошлое.

Гордей напряг память и вспомнил, что с Люцией они встретились двадцать первого августа, то есть лето уже было на исходе, и его последние дни отпылали, как цыганский костёр в ночи. Неслышно подкралась рыжая тёплая кошка-осень и ублакала своим обманчивым теплом. А потом пришла мягкая зима. Никаких тебе морозов, только лёгкий пушистый снежок. Нежданно холодным оказался март. Гордей Тимофеевич невольно вспомнил любимую присказку бывшей тёщи: «Марток, надень семь порток». Но всё проходит, как всё-таки был прав мудрый царь Соломон, и холодный март тоже прошёл. Апрель этого года оказался плаксой, почти каждый день лили дожди, притом медленные и унылые. Они стекали по оконным стёклам, как слёзы по щекам. Но были они тёплыми и довольно скоро растопили остатки снега. На обочинах дорог появились цветки мать-и-мачехи. «Как всё-таки странно устроен человек, — думал Гордей, — цивилизация, казалось бы, приложила массу усилий, чтобы уничтожить всё живое, естественное вокруг него и заставить чело-

века жить в виртуальном мире. Так нет же! Мало у кого не дрогнет сердце от умиления, глядя на эти беззащитные цветки, бесстрашно поднимающие жёлтые солнышки своих головок чуть ли не вплоты к колёсам пронсящих мимо автомобилей». Но больше всего Гордей любил май с его переменчивым теплом, лёгкой прохладой, кистями черёмухи и сирени. Только май в этом году выдался жарким, никакого тебе похолодания во время цветения черёмухи и распускания листьев дуба.

В воскресенье Гордей пригласил Люцию в кафе на набережной. Это было одно из его любимых мест для отдыха. Когда-то давным-давно он водил сюда в выходные детей. Заказывал им раковые хвостики. Их очищенными подавали в серебристых вазочках. Потом всей семьёй ели мороженое. «Неужели всё это было?» — удивлялся сам себе Гордей. Неожиданно он спросил Люцию:

— Ты хочешь иметь детей?

— Хочу, — не раздумывая ни минуты, — ответила она, — мальчика и девочку.

— Я тоже хочу, — улыбнулся он и ласково сжал её руку.

Они сидели на террасе кафе, и ветер, дующий с Волги, обдувал их лица, не давая задохнуться от жары. «Интересно, каким будет лето?» — думал он, планируя увезти Люцию на Средиземное море. Он уже приглядел для неё эксклюзивный купальник. И с удовольствием представлял, как будут плясать на неё всякие там мачо и ронять слюни до пупа. «Виноград зелен», — злорадно подумал он.

— Гордей, ты о чём задумался? — окликнула его Люция, но так как он отозвался не сразу, тряхнула его за плечо.

— Извини, — очнулся он.

— Интересно, о чём ты думал? — поинтересовалась она с лукавой улыбкой. — Вид у тебя был такой же довольный, как у кота, съевшего целую крынку сметаны.

— Я думал о нас, — улыбнулся он в ответ и коснулся её светлых шелковистых волос.

— То есть ты думаешь о нас, а меня в свои думы не посвящаешь, — изогнула она кокетливо и одновременно обиженно бровь.

— Я как раз собирался объявить тебе о своём решении, — проговорил Гордей.

— О каком таком решении?

— Вернее, о предложении.

Она посмотрела на него вопросительно.

— Я предлагаю тебе стать моей женой!

— Но у тебя уже есть жена, — напомнила она, и глаза её наполнились грустью.

— Да какая она мне жена?! — вырвалось у Гордея. — Гадюка!

Реакция девушки на его слова была неожиданной.

— Ты не должен так говорить о женщине, с которой живёшь! — расстроено воскликнула Люция.

— Я тебе сто раз говорил, что не живу я с ней!

— Так говорят все женатые мужчины. — Она поджала губы и отвернулась от него.

— Я не все! — рывкнул он и, смягчившись, спросил: — Ты согласна выйти за меня замуж?

— Что ты, — воскликнула она испуганно, — я не хочу разбивать твою семью.

— Она уже давно разбита! Когда до тебя это дойдёт? — начал раздражаться Гордей.

— Нет, на чужом несчастье счастья не построишь, — вздохнула Люция печально и добавила: — Ты можешь ещё помириться с женой.

— Не говори глупостей! Тем более что мы с тобой любим друг друга.

Люция неожиданно заплакала. Гордей собрался утешить девушку. Но тут точно вихрь ворвался на террасу. Ещё никто ничего не успел сообразить, как Анита, пролетев мимо нескольких столиков, оказалась возле Люции, впилась в её густые волосы и с криком:

— Потаскушка! Я научу тебя, как чужих мужиков уводить, — стащила девушку со стула. После чего женщины стали кататься по полу.

Трифонов сначала остолбенел, а потом бросился разнимать их. Но ему никак не удавалось оттащить одну от другой. На помощь ему бросились охранник, а потом и официант. Женщин с трудом растащили в разные стороны. Анита вырвала у Люции клоч волос и разорвала верх платья, оцарапала щёку, она же расцарапала лицо охраннику, официант пострадал меньше, у него всего лишь отлетела пара пуговиц.

Люция тоже нанесла урон Аните, защищаясь, она оставила на её лице длинную царапину, которая начиналась под глазом, шла через всю щёку и заканчивалась на подбородке.

Трифонову еле удалось замять скандал. Он вовсе не хотел, чтобы красочные фото его жены и любовницы появились в местных СМИ. Да и сам он не хотел становиться героем жёлтых страниц. Однако чаша сия, несмотря на заплаченные деньги, его не миновала. Вероятно, кто-то успел заснять драку на сотовый. Снимки хоть и были сделаны наспех, позволяли всем желающим полюбоваться на драку, устроенную Анитой. Все, кто знал Трифонову, Анну и Люцию, легко могли их узнать. Да и заголовки бросались в глаза: «Уважаемый бизнесмен Гордей

Тимофеевич Трифонов устраивает поединки между женой и любовницей! Дамы и господа, делайте ставки!»

— Тьфу ты, дьявол! — плевался от злости Гордей Тимофеевич, но поделаться ничего не мог. Время у нас такое! Ничего нельзя скрыть от любителей рыться в грязном белье.

К тому же позвонила дочь и процедила ядовито:

— До чего же ты, папочка, докатился. Мне стыдно перед знакомыми за такого папашку.

Сын не снизошёл даже до выговора, он со своей семьёй уже давно игнорировал всё, что писалось и говорилось об отце. Трифонов перестал для него существовать.

Весь день Гордей звонил Люции, но её телефон не отвечал. Двери квартиры она ему не открывала. А собачник Пётр Степанович Летунов, вечно торчащий на улице со своим мопсом, доверительно сообщил, что девушка дома не появлялась.

— Откуда вы знаете?! — завопил Гордей.

— Когда она дома, — терпеливо объяснил собачник — у неё всегда окно на кухне открыто. Разве вы сами этого не замечали?

После того как сосед напомнил о привычке Люции и днём и ночью в тёплое время года держать окно на кухне открытым, Гордей понял, что девушки на самом деле нет дома. Закрывала окно она, только когда уходила из дома.

Выходит, что Люция и вправду отсутствовала. Но куда она могла пойти? Куда? — задавал он себе один и тот же вопрос. Утром он кинулся к бутику и узнал, что она не вышла на работу. Ольга рассказала Трифонову, что Люция звонила хозяйке и сказала, что заболела.

— Вы бы, Гордей Тимофеевич, съездили к ней домой, — посоветовала девушка, с нескрываемым сочувствием глядя на потерянного Трифонова. «Вот попал мужик», — думала она. Как и большинство жителей города, она уже узнала из газет о произошедшем скандале между Люцией и женой Трифонова.

— Был я уже у неё дома, — вздохнул Гордей, — нет её там.

— Тогда даже и не знаю, чем вам помочь, — проговорила девушка. Гордей Тимофеевич был симпатичен Ольге, и она считала, что Люции повезло. И даже где-то чуточку завидовала ей. «Будь я на месте Люции, — думала Ольга, — то не стала бы кочевряжиться, а развела его с женой и женила на себе».

Трифонов решил дать Люции успокоиться и съездить к ней домой ещё раз, только вечером. На этот раз окно было открыто, но она не открыла ему, хотя звонил он долго и упорно. Пришлось уйти. Не ломать же дверь. Чтобы не терять время даром, Трифонов стал посылать ей корзины цветов, которые курьерам было велено оставлять возле квартиры.

Когда корзины заполнили лестничную площадку и соседи стали ломиться в дверь, Люция открыла и позволила перетаскать все корзины в квартиру. Правда, тут же попросила соседей забрать хотя бы часть из них своим жёнам и подругам. Большинство из них не заставили себя упрашивать. Анатолич, сосед с верхнего этажа, взял четыре корзины. Когда его спросили: зачем тебе? У тебя же нет ни жены, ни подруги, — Анатолич огрызнулся, не вашего, мол, ума дело, кто у меня есть, а кого нет. Позднее тётя Фрося сообщила, что видела, как сосед торговал ими у дороги, продал корзины с цветами за бесценок.

Гордей Тимофеевич несколько раз на дню звонил Люции, посылал эсэмески, объясняя, что его вины в случившемся нет. И он тоже страдает.

Наконец она ответила ему:

«Твоя жена всё ещё любит тебя!»

«Вздор! — написал он и тут же добавил: — Она просто не хочет потерять мои деньги».

«Не верю, — написала Люция, — не в деньгах счастье».

«Ты наивна, как ребёнок, — умилился он, — и всем не знаешь жизни».

«Нет, нет, я не верю тебе».

«Хорошо, — терпение Гордея закончилось, — веришь ты мне или нет, я развожусь со своей женой! Теперь я понимаю, что мне нужно было сделать это раньше, тогда бы ничто тебя не останавливало».

«Может быть», — неожиданно для него написала она.

«Лёд тронулся», — подумал Трифионов.

«Давай встретимся, Люция».

«Хорошо, ты можешь прийти ко мне вечером».

«В семь?»

«В семь».

Обрадованный, Гордей примчался к ней с огромным букетом пионов.

— Я заказал столик в «Серже», — поспешил он с порога обрадовать любимую.

— Сегодня я предпочла бы остаться дома, — призналась она.

— Почему?

— Боюсь, что твоя жена снова выследит нас! — Люция дотронулась пальцами до лица. — Я так боялась, что от царапин, оставленных когтями твоей жены, у меня останутся следы на всю жизнь.

— Ничего не останется, — оптимистично заверил он её, — уже сейчас почти ничего не заметно.

— Я всё равно боюсь, — тихо призналась девушка. — Теперь я, наверное, всю жизнь буду ходить по улицам и оглядываться.

— Выбрось из головы все свои страхи. Я уже сказал Аните, что, если она попробует устроить ещё один скандал, я упрячу её за решётку.

— И она поверила тебе? — грустно усмехнулась Люция.

— Ещё бы! — подмигнул ей Трифонов. — Знаешь, кто у меня в дружках ходит?

— Понятия не имею, — честно призналась девушка.

— Тогда тебе лучше и дальше оставаться в неведении. Спать крепче будешь, — покровительственно засмеялся он и спросил: — Так мы идём в ресторан?

— Гордей, — жалобно проговорила она, — давай в следующий раз.

— Давай, — согласился он. Люция показалась ему такой испуганной и беззащитной, что у Гордея от жалости к ней сжалось сердце в груди.

— Мне нужно позвонить и отменить заказ, — сказал он, и она благодарно кивнула ему в ответ.

Они провели вдвоём тихий, уютный, почти семейный вечер.

— Я так благодарна тебе, — сказала она.

— За что?

— За всё это. — Она скромно потупила веки.

— Я тоже благодарен тебе, — сказал он.

— За что?

— За то, что ты поняла, что жить с Анитой невозможно.

Она ничего не ответила ему. Спать они в этот вечер легли рано. Не совсем спать, конечно...

Глава 6

Вернувшись, домой, Трифонов жену не застал.

— Где она может шляться? — недовольно проворчал он.

Телефон Аниты был отключён. Пометавшись по пустому дому, Гордей лёг спать и проспал до полудня. Проснувшись, он нутром почуял, что жена дома. Привёл себя в порядок и отправился выяснять отношения. Анита сидела в столовой в полном одиночестве и пила кофе. Услышав шаги мужа, она даже головы не повернула.

— Нам нужно поговорить, — сказал Гордей.

— Тебе надо, ты и говори, — презрительно отозвалась она.

Тон жены не прибавил Гордею Тимофеевичу хорошего настроения.

— Всё, змея подколодная, — объявил ей Трифонов, — я подаю на развод.

И куда только подевалось всё напукное спокойствие супруги. Анита пришла в бешенство,

— Что? — взвизгнула она. — Тебе мало того, что ты изменяешь мне с всякими девками, так ты ещё и кинуть меня решил! Ничего у тебя не выйдет! Я не то, что твоя тихушница первая жена Маринка. Даже судиться с тобой не стала, удовольствовалась тем, что ты ей бросил с барского плеча. А ведь добрые люди порасказали мне, что она пахала наравне с тобой. Обобрал её до нитки!

— Не ври! Я честно отдал жене её долю!

— Как же, отдал ты! Живоглотина! А Маринка твоя дура набитая!

— Закрой рот, — рявкнул Трифонов, — и не смей своим поганым ртом трогать имя Марины.